

Из воспоминаний Бориса Абрамовича Галицкого (1923–2004)

Инженер Борис Абрамович Галицкий (1923–2004) был специалистом по автоматизации, заслуженным изобретателем. В свое время команда, в которой он работал, наладила на кирпичных заводах СССР приборы, существенно снизившие процент брака, также ему удалось найти способ повышения прочности строительного гипса путем его особого перемешивания.

В конце 1990-х, выполняя просьбу внука Алексея подготовить биографическое интервью, он увлекся воспоминаниями и продолжил над ними работать самостоятельно. Получились 24 кассеты, в которых он честно и без прикрас рассказал всю свою жизнь, даже иллюстрируя ее в нужных местах песнями и мелодиями.

Обладая уникальной памятью, он рассказывал так, как будто всю жизнь вел подробнейший дневник, тогда как никакого дневника у него не было, если не считать записей о давлении и приеме лекарств.

Звуковые записи расшифровала и превратила в текст литературный редактор, наша замечательная подруга Тамара Абрамовна Дукорская (1951–2012).

Саша и Ефим Галицкие

Мой папа, Галицкий Абрам Моисеевич, родился в Почепе в 1893 году. Когда ему было четыре года, умер его отец, Моисей. С мамой остались двое детей: Абрам и Рахила. Мама стала стирать людям белье. Но такой работы было мало, так как

местечковая беднота свое белье стирала сама. Оставшись без кормильца, семья стала голодать. Чтобы помочь, еврейская община прикрепила Абрама к нескольким семьям таких же бедняков, и в течение недели он ходил один-два раза в один

дом, потом в другой, третий, но почти всегда во всех этих домах оставался голодным, так же как и дети тех, к кому он приходил¹. Он говорил, что только в одном доме он наедался, там была побогаче семья, они готовили побольше еды и даже пекли блины. Современным детям, наверно, даже это не понять, но главное чувство, которое осталось у папы от детства, – это вечный голод. Так он несколько лет ходил из дома в дом. Община со временем определила его в *хедер*, школу, папа там научился писать, читать на иврите, он всю жизнь умел читать эти закорючки. Потом его отдали в услужение сапожнику, там он за несколько лет освоил эту профессию и стал очень хорошим мастером, работал самостоятельно в доме, где снимал угол.

Мама моя, Вигася Шмуїловна, родилась в 1898 году в Рудне, это небольшое еврейское местечко. Жили, как и большинство евреев в черте оседлости, бедно. Мама с детства ходила на подработки. У богатых людей осенью резали гусей. Надо было обшипывать перья, делать пух. Однажды она получила какие-то деньги и купила себе новые ботинки со шнурками, высокие.

В семье было много детей. Отец ее Шмуэл, мать Менуха. Всего выжило восемь детей. Старший был Моисей, его звали Мошэ, потом родилась Галя, или Гитл. Третьей была мама, Гася (Вигася), четвертой – Соня (Сора), пятой – Зина (Зелдэ), шестой – Шошка, седьмой – Берта. И последним был Володя (Вэле).

Старший брат моей мамы, Моисей (Мошэ), был закройщиком обуви. Шил очень красивые заготовки для мужских и женских модельных туфель. Женился на Басе (Башке). Жили они в Смоленске на Краснофлотской улице (бывшей Николаевской), на высоком берегу Днепра. Во время половодья вода со льдинами очень близко поднималась к их дому.

Старшая сестра Галя (Гитл) в 1939 году вышла замуж за портного Натана Ножницкого, который

был намного старше ее. Он еще во время Первой мировой войны был в плену у немцев и верил, что немцы хорошие, культурные люди. Натан не доверял сообщениям о зверствах фашистов. Когда 15 июля 1941 года немцы прорвались к Смоленску, Ножницкий с женой решили остаться. Жили они на окраине верхней части города. Был у них небольшой огород, купили козу. Натан был портной высокого класса, универсал.

Немцы загнали евреев в гетто. Старика Ножницкого крестьяне спасли, сумели увезти в деревню, прятали, кормили. Он выделявал шкуры, шил тулупы, шубы, одежду. В конце войны умер от старости. А тетю Гаю фашисты убили.

Натан Ножницкий мне подарил толстую книгу собраний сочинений М.Ю. Лермонтова в твердом переплете. Книга спасла Натану жизнь – обложка и часть страниц были пробиты пулей.

Тетя Соня (Сора) вышла замуж за сапожника Залмана Фомина. Он был высокого роста, сильный. Занимался вырезкой по шаблону подошв для обуви из толстой кожи. Однажды пришел к нему нормировщик снимать норму, чтобы ее повысить. При нем Залман по несколько раз прорезал кожу, пока наконец не появлялась подошва. Закройщик ему говорит: «Я знаю, что ты с одного раза вырезаешь подошву, что же ты при мне три-четыре раза ножом водишь?» А Залман отвечает: «Ты тоже сапожник. На тебе нож, становись. За сколько раз вырежешь, такую норму мне и ставь». Как ни старался нормировщик, повысить норму Залману он не смог.

У них было два сына: Афроим и Наум. Афроима во дворе звали Фома. И так к нему прилипло это имя, что родители и все мы звали его Фомой. Младший, Наум, 1924 года рождения, был мой самый хороший товарищ. Был я на один класс старше него. Научил Наума играть на мандолине. Первого мая 1924 года беременная Сора была дома одна. Все ушли на первомайскую демонстрацию. Раньше всех пришел туда мой папа. Вдруг начались роды. Папа вскипятил воду, прокипятил пеленки, принял малыша, обмыл его, запеленал. Пришли с демонстрации, а сын Залмана уже в кроватке. Папа всё умел!

Перед войной Фома стал курсантом артиллерийского училища, а во время войны погиб. Наум

¹ Традиционная еврейская практика, известная скорее из жизни ешиботников, когда юноши поочередно ели в разных еврейских домах местечка. Это называлось «эссен тег» (есть дни) – Прим. ред.

тоже был на фронте, был ранен, искалечен, но вернулся. Закончил институт. Был очень умный, интересный человек, весельчак, душа общества, пел, танцевал, занимал высокие должности: заместителя управляющего строительным трестом, главного бухгалтера Управления. Говорил, что, если бы не пятый пункт, стал бы управляющим.

Тетя Шоша вышла замуж за Минькова Яшу. Настоящее имя его было Гриша, но почему-то он считал, что имя Яша красивее, чем Гриша. Так его и звали все Яшей. Он был водопроводчик, сантехник, работал в единственной смоленской бане. Иногда мы имели некоторое преимущество перед другими смолянами: когда папа, Миша и я ходили в баню (это было событие на весь единственный выходной воскресный день; так как нужно было отстоять в очереди на улице много часов зимой и летом). Но в дни дежурства Яши он нас иногда проводил без очереди через другой вход.

* * *

Мой папа болел язвой желудка с 1930 года. Ему нужен был белый хлеб. В Смоленске белый хлеб не продавали, а пшеничную муку можно было достать только в магазине Торгсин² за золото, которого у нас не было. Если кто-то пытался продать муку из-под полы, то это было уголовное дело, за это сажали в тюрьму, потому что мука была на уровне валюты. Мама вместе с сестрой Шошей поехали в Москву, купили батоны, приехали в Смоленск. На станции была облава. Маму поймали, а Шошка убежала. У мамы забрали корзину с батонами, да еще оштрафовали на семьдесят два рубля. Батоны остались в милиции. Мама просила дать ей хотя бы два для большого мужа – не дали.

Долгое время мама добивалась отмены штрафа. Приносила справки, что папа болен язвой желудка, что двое детей, что зарплата маленькая, сто сорок рублей. Пожалели – штраф уменьшили вдвое.

Спасенные Шошкой батоны поделили пополам.

² Торгсин (Всесоюзное объединение по торговле с иностранцами, 1931–1936) – советская организация, обменивавшая золото, серебро, валютные ценности на пищевые продукты или другие потребительские товары. – *Прим. ред.*

*Абрам Моисеевич Галицкий, 1940 год. Смоленск
(из личного архива семьи Саши и Ефима Галицких)*

* * *

Младшим, восьмым, был Володя (Вэле) Галицкий, тоже сапожник. Он был участником финской войны. Вернулся больной, с эмфиземой легких. Женился на Тане, толстой женщине крошечного роста. Она работала бухгалтером в Управлении Западной железной дороги, в огромном новом здании в конце Магнитогорской улицы, у крепости. До войны здесь был штаб Белорусского особого военного округа, которым командовал герой Гражданской войны Уборевич. Приезжал в штаб БВО и маршал Советского Союза Михаил Тухачевский. Рядом была конюшня с великолепными красавцами-лошадьми, на которых гарцевали кавалеристы, проносясь по улице Магнитогорской к штабу. И Михаил Тухачевский, и Уборевич, и наш

сосед Кимус Седов, работавший в штабе, и еще 40 тысяч командиров были расстреляны Сталиным до войны.

Родилась дочка Маня, очень красивая девочка – я видел ее, когда ей было лет четырнадцать. Володя был очень больной, инвалид. Добрый, слабый человек. Маня закончила кулинарный техникум, вышла замуж за Зяму. Он был хозяйственный парень. Жили на улице Реввоенсовета. Фактически это был тупик, заканчивающийся крутым обрывом оврага Зеленый ручей. На клочке земли у оврага Зяма завел огород, выкармливал поросят, держал кур. Работал на Смоленском ламповом заводе и имел дело со ртутью. В результате заболел тяжелой болезнью. Не знаю, сейчас жив он или нет. У Мани и Зямы две девочки.

* * *

Расскажу, что я помню, про дедушку Шмуэла и бабушку Менуху. Дедушка Шмуэл был извозчиком. У него была лошадь, телега, сани. Они жили в большой трехкомнатной квартире около Днепра. И там же во дворе была конюшня. Он зимой и летом уезжал с обозами на много дней. Помню, я у них был в гостях, он приехал зимой, накормил лошадь, напоил, а потом пришел домой замерзший, усталый. Видел, как он накрошил черный хлеб в тарелку, налил туда водку и ложкой ел. Такое блюдо называлось «чупка».

Когда советская власть по-настоящему взялась за частников, все это хозяйство у него исчезло, и он к этому времени стал сторожем в артели. В 1932–1933 гг. я видел, как он иногда приходил к нам домой, и мама его кормила. Он уже старенький был, с большой бородой. А умер от рака желудка в 1935 или в 1936 году. Бабушку Менуху я не помню. Она лежала в темной комнате, и я даже ее не видел. Умерла в 1936 году.

* * *

Мама и папа были Галицкие, они двоюродные. В еврейских местечках это разрешалось – новых людей было мало. Поженились в 1918 году. В соседнем местечке был погром, и там зарезали несколько еврейских семей. Мама, беременная, пошла посмотреть, ей стало плохо, и ребенок погиб. Мой брат Миша родился в Рудне 28 декабря 1920 года. Они какое-то время жили в Рудне, а

Борис и Михаил (Моисей) Галицкие. 1924 год. Смоленск (из личного архива семьи Александра и Ефима Галицких)

потом переехали в Смоленск. Сначала к бабушке с бабушкой. Потом нашли ту квартиру, где 24 марта 1923 года родился я. Это был Козловский переулок, переименованный в дальнейшем в Магнитогорский, дом 10. Мы жили в одноэтажном деревянном доме, скорее, это был барак. Стояла на сваях, снизу можно было пролезать с одного двора на другой, что мы, дети, и делали. Зимой в квартире было страшно холодно.

В доме была большая русская печь, мы с Мишей зимой часто сидели на печи. Там была подложка на старая шуба, и сидеть было твердо и жарко. А слезть вниз было холодно: если проливалась на пол вода, то она превращалась в лед. Вдоль окна внизу стоял папин верстак. Иногда папа приглашал к верстаку Мишу и давал ему кривые гвозди, чтобы он их распрямлял на досточке. Я восхищал-

ся Мишей: как это он такие кривые гвозди выравнивает. У нас не было никаких игрушек.

Первые воспоминания раннего-раннего детства: я лежу в кровати вечером, обвешанный со всех сторон белыми пеленками. В доме взрослые, мне хочется посмотреть туда, где люди, но я кругом обвешан, и приказано спать. Папа становился около кровати и не разрешал даже шевелиться: «Спи, спи», – а мне очень хотелось пошевелиться, и я как-то засыпал.

Как-то утром я проснулся – напротив, на диванчике, спит дядя Иосиф. Я запомнил копну черных кудрявых волос. Когда я рассказал своим родителям о том, что я это помню, они не могли поверить. Говорили, что мне немножко больше года было. Помню, как зимой меня нёс по двору дядя Иосиф к воротам, не к тем, которые у нас потом много лет действовали, а были запасные в другом конце двора. Мне сказали, что он нёс потому, что во дворе было очень скользко, и знали, что он не упадет. Он был молодой, сильный, надежный.

* * *

Наступал новый, может быть, 1925 год. Мишу с папой и мамой пригласили соседи Седовы на тайную елку³. Меня уговорили остаться одного, зажгли маленькую лампу и пообещали, что принесут угощение. Я долго лежал, ждал-ждал и уснул. А утром говорю: «Ну, где конфеты?» – «Как где конфеты? Мы ночью тебе дали, ты их съел». Я не помнил и жалел, что я их съел ночью сонный.

Как-то утром, летом, я еще маленький был, вышел на крыльцо. Светило солнце, и я был поражен красотой двора. Весь двор был усеян большими белыми с желтыми сердечками – ромашками. Потом, когда мы уже подросли, мы, наверно, вытоптали ромашку.

Нашими соседями по квартире были Розины. Разделяла лишь тонкая перегородка. Мужа звали Хаим-Довид, его жену – Соня, сына – Яша. Рядом – новый вход со двора – преподаватель Иван Конович и большая семья домовладелицы Долбоносовой. В третьем подъезде вход в двухкомнатную квартиру Седовых – муж Кимус, его жена Стеша и дочь Нина 1920 года рождения.

Рядом с баракком – двухэтажный кирпичный дом. На втором этаже жила семья Гольдиных. Родителей не помню. Были два сына: Хаим и младший Калман. Самой старшей из детей была дочь.

Там же на втором этаже жил старый холостяк Иосиф Аристер.

Рядом был другой деревянный двухэтажный дом. Внизу жила семья Гутнахт: муж, жена, дочь Рая, сыновья Гриша и младший Мулька.

В другом подъезде внизу жили Петраченковы. Сына звали Женя. Он был старшим из детей двоюродного брата, большого роста, сильный, но странный. Мы знали, что если к нему подойти и начать размахивать рукой перед глазами, то он начинал быстро моргать и его можно было ударить и убежать.

На втором этаже жили две семьи: Неймарки и Зельдины. Неймарк-отец был техник, их старший сын – служащий, а младший Фима был отличник. Мы все это знали. Эта семья, как и Седовы, была самой богатой в нашем дворе. Стеша выращивала огромных свиней.

Зельдины: муж – маленький, худенький старичок с одним глазом, а жена его очень толстая, плохо говорила по-русски. Как-то Зельдина попросила кого-то: «Ты мне белье постирай, а сохнуть я буду сама». Злые языки это не забыли.

Между двухэтажными домами были ворота с калиткой. На воротах папина вывеска – на железном листе нарисован мужской сапог и дамская туфля.

* * *

У нас в сенях стояла большая бочка. Приезжал водовоз Васька. У него была маленькая белая лошадка, запряженная в двухколесную арбу с бочкой. Не мог я понять, как это получается: Вася ставил ведро на расстоянии от бочки, потом вытаскивал из бочки шпунт. Вода длинной струей пролетала и попадала в ведро. Как только ведро наполнялось, он всовывал шпунт в бочку. Воду вносил в дом и выливал в бочку. Когда вода кончалась, он приезжал снова. Ему платили, считая количество ведер.

* * *

А зимой по-другому было. Мы втроем: я, Миша и папа привязывали к саночкам ведра и отправлялись по воду. Ехали по нашей улице, поворачивали на другую и подъезжали к Никольской башне Смоленской крепости. Там была будочка,

³ В рамках антирелигиозных кампаний елки были запрещены в Советском Союзе до 1935 года. – *Прим. ред.*

сидела женщина. За талончик красного цвета отпускалось одно ведро, а за зеленый – два ведра. Папа показывал, что наверху, в стене, торчит ядро, которое застряло во времена наполеоновского нашествия, когда обстреливали Смоленск. Я смотрел-смотрел и ничего не видел. Наверное, не понимал, что такое ядро.

* * *

Рядом с квартирой Неймарка жила большая семья. Их девочка часто выходила на улицу с куском колбасы. Вкусно было смотреть, как она ела. Ее папа работал на колбасной фабрике.

* * *

Когда папа работал дома, он покупал патент, и мы жили более-менее прилично. Помню, гуся купили осенью, сало со шкварками заготовили на зиму. Родители купили материал и сшили мне и Мише зимние пальто огромной длины, на вырост. Портной был горбатый. Больше пальто уже ни пошить, ни купить было негде. Мы росли, а на единственных пальто появлялись новые заплатки. Потом папа перешел работать в артель. Жить стали бедно.

* * *

Как раз тогда я стал неожиданным свидетелем разговора между папой и Залманом Фоминым. Я зашел в комнату и услышал фразу: «Фар брент зол зайн аза мельхэ» («Чтоб сгорела такая власть»).

Он был председателем сельсовета и имел печать. Взрослые замолчали... Еще бы! Мы, дети, восхищались героическим подвигом пионера Павлика Морозова, который донес на своего отца, выдававшего справки односельчанам. Справки позволяли крестьянам бежать из колхоза и устроиться в городах на работу. Без справки сажали в тюрьму. «Кулаки» – родственники убили Павлика Морозова и его брата Федю. Я тоже восхищался подвигом Павлика, но все-таки я не донес на своего папу и дядю о том, что я услышал.

* * *

Когда папа работал дома, нам, детям, часто покупали кухоны⁴, бублики, булочки, которые при-

⁴Кухоны – разновидность пирога с начинкой. – Прим. ред.

носила в корзине тетя Лея. Звали ее *ди бекерн* (пекарь). Давала и в долг. С переходом в артель покупать выпечку перестали.

Через какое-то время мы узнали, что тетю Лею зарезали. Бандиты ночью убили и забрали деньги. Бандитов не нашли. Она жила на Сенной площади около кинотеатра «Пролеткино».

* * *

Папа был хороший мастер. В артели работал на завершающей стадии – отделке. Его задачей было заделать, замазать, закрасить, исправить все, что было до него сделано на других операциях. Норму давали сначала не очень большую – три с половиной пары за смену. Около папы всегда горел примус, и нужно было быстро работать: греть инструменты, брать воск, краску, кисти. Работа была тяжелая, напряженная, жаркая. При такой норме он мог заработать в месяц 140 рублей. Через какое-то время приходил нормировщик, сидел, смотрел... Короче говоря, за те же деньги надо было уже делать четыре, пять, и ближе к войне дошло до шести с половиной пар. Это называлось не снижением зарплаты, а повышением производительности труда за счет механизации, которой не было.

Край обуви, рант, перед тем как накатать зубчатым разогретым колесиком с воском, требовалось закрасить краской. Для этого делалась кисточка из палочки лубка, один конец которой разбивался на наковальне молотком. Кисточку приходилось несколько раз мочить в краске, чтобы закрасить весь рант. Папа укоротил волос зубной щетки и ею рант закрашивал за одно движение – экономия времени. Оформил рацпредложение, и в течение шести месяцев ему не повышали норму выработки. За счет этого он зарабатывал в месяц 170 рублей вместо прежних 140.

* * *

Однажды папа пришел с работы и принес что-то завернутое, большую какую-то вещь, и говорит: «Сейчас поужинаем, и я покажу, что это». Оказалась – мандолина. Папа показал нам, куда ставить пальчики, как держать мандолину, медиатор.

Мы с большим увлечением занимались этой мандолиной. А за перегородкой жили Розены, Хаим-Довид был очень болен, он лежал.

Однажды мы с Мишей вдруг услышали что-то знакомое, проведя медиатором по одной струне, потом по другой. Стали искать следующий, третий, звук, и у нас получился кусочек похоронного марша. Мы довольные побежали к Хаим-Довиду: «Дядя Хаим-Довид, послушайте, что мы сами научились». Сыграли. Он говорит: «Молодцы, дети, вовремя разучили». А через какое-то время он умер. Собралась большая группа евреев во дворе. Кто-то ходил с копилкой, брэнча деньгами. Люди бросали ему монеты, а он говорил фразу: «Цдоке тацеле мовид, цдоке тацеле мовид»⁵. Я так до сих пор и не знаю, что это значит.

* * *

У Лёвы Осмоловского была своя парикмахерская близко от штаба БВО. Огромные зеркала, высокие кресла, духи, белые простыни – все было необыкновенно. Лева умел обслуживать с комфортом командиров Штаба БВО.

В 1931 году патентами задавили и Лёву Осмоловского. Но он не пошел работать в городские парикмахерские за грошовую зарплату, а устроился на аэродроме около военных летчиков. А после захвата Советским Союзом Эстонии, Латвии и Литвы в 1940 году вместе с военными летчиками оказался там и парикмахер Лёва Осмоловский. Прилетая на короткое время в Смоленск со знакомыми летчиками, привозил дорогие отрезы на костюмы, материю. Такое можно было достать только в Торгсине в обмен на золото.

* * *

Над обрывом, где внизу начинался овраг Зеленый ручей, рядом с асфальтированным тротуаром Магнитогорской улицы стояла большая будка сапожника Золотовича. Он и сам работал, и давал работу некоторым настоящим мастерам-сапожникам. Но делалось это тайно от властей, от фининспекторов. Был налажен конвейер: кто-то дома готовил красивые заготовки, кто-то работу продолжал. Папа пришивал драгвой кожаную подошву, ставил каблук, отделявал полностью.

⁵ «Цдоке тациль ме-мовес» (Милостыня спасает от смерти) (Притчи 10:2). Текст, который обычно кричал шамес хевра-кадиши (поминального братства), собирая пожертвования на похоронах. – Прим. ред.

За пару модельной обуви Золотович платил шесть рублей – в три раза больше, чем платили в артели «Труд». В закрытой корзине я приносил туфли Золотовичу, он проверял качество и давал новую пару.

Донесли, Золотовича арестовали – эксплуататор! Папу вызывали, и он вынужден был признаться, что брал работу за очень хорошую плату.

* * *

Центром для нас, детей, во дворе была семья Седовых. Дочь Нина училась на пианино. У них в квартире было очень красиво, огромные фикусы стояли. Мы не заходили в квартиру, а сидели в коридоре и играли. Нина организовывала. Чаще всего рисовали. Однажды она дала задание – рисовать деревья. Я нарисовал березу и раскрасил на белом фоне черные места. Нина признала, что мой рисунок самый лучший.

* * *

Так как Нинин папа был военный, то она ходила в Дом Красной Армии. В Смоленске был построен огромный, замечательный дом по улице Советской. Однажды Нина сказала, что попробует провести туда меня и Мишу. Будет выступление по радио. Поговорила с руководителем, рассказала, что мы оба играем на мандолине. Мы уже к этому времени еще несколько песенок знали. Пошли, нас пропустили. Мы были поражены видом студии, зданием. Руководитель кружка сказал: «Следующее занятие будет такого-то. К этому времени я даю вам задание (мне и Мише) – найти и разучить новые частушки о севе, о земле». Папа на работе стал спрашивать, и я запомнил частушку:

*Мы на всю длину растянем,
Приударим веселей,
Эх, цветы соревнованья
Красных фабрик и полей.*

Настал день, когда надо было идти в Дом Красной Армии, но нас не пропустили.

* * *

Наверно, это был 1928 год, расцвет нэпа. Однажды мы были на базаре. Я шел и видел такое обилие всяких продуктов – просто ломилось все. И сейчас, когда я хожу по базару, по рынку, то вспоминаю об этом.

Моисей Галицкий. Подпись на обороте фотографии: «На долгую память тете Соне и дяде Яше от их племянника Моисея Абрамовича Галицкого 2 июля 39» (из личного архива семьи Александра и Ефима Галицких)

* * *

Дрова на зиму нам обычно привозили одни и те же крестьяне. Женщину звали Прасковья. Дома у нас их принимали как хороших знакомых.

Дрова надо было пилить и колоть. Для этого папа нанимал дворника, татарина Каюмова, жившего с семьей в соседнем дворе. У него жена была горбатая. Говорили, что раньше она была красавица, но после какого-то происшествия у нее стал расти огромный горб, однако муж ее не бросил. У них было двое детей: мальчишку звали Каптулла, а девочку – Мэгэсэм. Дворник был большой, красивый, веселый. Он, бывало, идет мне навстречу, улыбается и говорит: «Фарфлюхтэ юдэ». Мы оба улыбаемся довольные. Сейчас-то я знаю, что это значит «паршивый еврей». Каюмов звал меня

пилить. Объяснил: ручку тянуть на себя прямо, на пилу не нажимать. Хвалил меня. А мама говорила: «Мы нанимаем его, а ты работаешь». А я был рад, что умею пилить и что Каюмов меня хвалит. Пока Каюмов пилил и колол, папа успевал сшить пару обуви и отдавал ему половину заработанного. Он не уставал так, как если бы сам колол и пилил дрова.

* * *

Папа всякую работу умел делать, в том числе однажды он вынес во двор наш пружинный матрац. Стал его разбирать и перевязывать заново. Я около него был, помогал. К вечеру матрац был готов. Проходит какое-то время, и наш сосед Иван Конович, учитель, попросил папу перевязать ему матрац. В выходной день мы с папой стали это делать. Проходит короткое время. Появляется фининспектор и говорит папе: «Я пришел, чтобы вы взяли патент на работу по ремонту мебели. Стоит патент столько-то». Патенты тогда уже стоили очень дорого. Кое-как выкрутились: Иван Конович сказал, что он ничего не платил за работу, а помогал несколько раз моему брату Мише сделать уроки. И таким образом больше папа уже не нанимался ни на какие дела. Раньше была статья, по которой сажали в тюрьму за недоносительство. Поэтому кто-то из соседей поторопился сообщить куда следует.

* * *

Во дворе жила семья Гутнахт. Если перевести с идиша на русский, это значит «хорошая ночь» или «спокойной ночи». Он был сапожник, но сапожник странный: почти ничего не умел делать. Сколачивал какие-то не туфельки даже, а фальшивые тапочки. Снизу ставил тонкую кожу, а глубже – картон, и гвоздями все это сбивалось. Жена его в базарный день продавала. Попадались на эту удочку крестьяне, так как купить обувь было негде. Но пришло время, когда уже и это делать было нельзя, потому что на базаре ловили. Кстати, Залман Фомин тоже делал такую обувь, а тетя Сора продавала. Но он делал более качественно, и они хорошо жили. Если мой папа зарабатывал 140–170 рублей, то тот – до тысячи. Как видно, Залман очень рисковал, вынося какие-то материалы с работы. Поймают – тюрьма. Гутнахт иногда

меня подзывал и говорил: «Принеси мне папин нож». Папа в артели, на работе, а дома запасной был. Я приносил. Он даже заточить по-настоящему нож не умел. Однажды Гутнахт попросил моего папу научить его сапожному ремеслу. Папа в это время работал в ремонтной мастерской какой-то дальней, был один в комнатухе, это была отдельная точка в артели. Папа взял его учеником, показал, как инструмент готовить, научил всем тонкостям. И Гутнахт стал сапожником. Работал самостоятельно в артели. И был папе благодарен.

* * *

Брат Миша пошел в школу. Школ тогда было мало, и Мишу приняли в какую-то дальнюю школу. Мы жили в верхней части Смоленска, а школа была в нижней части, на берегу Днепра. Маленькая школа, изба. Мы все туда пошли: я, Миша, мама, папа.

Недалеко от нас была синагога, огромное здание. Через какое-то время она стала еврейским клубом. Ставили спектакли. Я тоже их смотрел, но ничего не запомнил. А затем здание стало называться «Кинотеатр 15-й» – в честь 15-й годовщины Октября, то есть был 1932 год.

* * *

Когда наступила коллективизация, начался голод, стало очень плохо с продуктами. В Смоленске произошло очень страшное событие. От артели «Труд», где работал папа, уехал с продотрядом за хлебом в деревню Айзик Брайнин. И там его зарезали. Гроб привезли к «Кинотеатру 15-й». Коллектив артели построился на широченных ступеньках кинотеатра. Гроб стоял впереди, и всех сфотографировали. В середине и папина голова видна была. А на балконе один хитрец решил, что он будет вообще лучше всех виден. Но на фотографии были только его сапоги. Выступающие говорили: «Дорогой Айзик Брайнин, спи спокойно, мы отомстим за тебя врагам, кулакам и т.д.». И я, конечно, был на стороне тех, кто должен отомстить этим кулакам. Нашли ли убийц, в артели не объявляли.

Не мог я тогда знать, что продотряды отнимали у крестьян всё зерно, в том числе и посевной фонд. Забирали и картошку, и любую другую еду,

после этого начался Голодомор. Вымирали деревни, районы, области. Были случаи каннибализма, когда ели трупы. Погибли миллионы крестьян. Чтобы скрыть это варварство, войска не выпускали умирающих в города.

* * *

Коль я уж начал рассказывать про семью Гутнахт, я и продолжу. Они планировали уйти из Смоленска 16 июля 1941 года, т.е. на сутки позже, чем я с мамой. Ночь они провели в нашей комнате, потому что у них стореело все. Когда началась бомбежка, то женщины Гутнахт спрятались в щели, которую мы вырыли около дома. Немецкий самолет спикировал, и бомба попала в щель. Они погибли, а Гришки и Мульки в щели не были. Это я узнал через какое-то время, когда случайно в Ташкенте встретился на вокзале с Гришкой Гутнахтом. Я-то приехал на вокзал потому, что кто-то сказал, что на вокзале можно отоварить хлеб по карточке на несколько дней вперед. Приехал туда и вдруг сталкиваюсь с Гришкой. Оказывается, Гриша там промышлял воровством и как-то жил на вокзале.

– А где Мулька? (младший брат).

– Мулька в Челябинске в ФЗУ устроился.

– А где твоя сестра?

– Сестра вместе с мамой погибли.

Гришка ушел из Смоленска 16 июля 1941 года, когда немцы вошли. Они (с Мулькой?) спустились в овраг Зеленый ручей. Он начинался недалеко от нашей улицы и впадал в Днепр. Там Днепр был мелкий, они перебрались через Днепр вброд, и в конце концов им удалось уехать.

* * *

В 1932 году я пошел в школу. Школа была недалеко от нас, 12-я образцовая. В первый раз меня повела туда мама, посадила за парту. Учительница старая-старая. Она была внучкой М.И. Глинки. Объяснила, что должны сидеть по четыре ученика. А у меня на парте оказалось пять! Я вскочил и сказал об этом. Урок был окончен, и нас отпустили домой. Назавтра я сам пошел. Но когда зашел в коридор, не смог найти ту дверь, куда надо зайти. Я бросился бегом к маме домой. Мама бросила стирать и побежала со мной в школу. Когда мы подбежали к школе, учительница уже выводила класс. Я был очень расстроен, думал, что меня

больше не пустят, но учительница сказала, чтобы я приходил завтра, и показала, в какую дверь должен входить.

В этой школе я проучился три года. Но фактически я не учился. Сидел на последней парте и читал книжки: «Робинзона Крузо» и др. У меня не было учебников, не было тетрадей. Проблема была с ручками, в общем, писали на оберточной бумаге. Я заканчивал третий класс. Помню экзамен. За столом сидят учительница и заведующая. Вызывают учеников и дают прочитать какой-то кусочек в книжке. Пришла моя очередь. Дали мне книжку «Родные края». Я первый раз ее увидел, я не знал, что есть такая книжка. На какой-то странице мне показали, чтобы я читал вслух. А я вслух читать не умел – про себя хорошо, быстро читал. Прочитывал фразу про себя, а потом вторично вслух, опять прочитывал – опять вслух. Короче говоря, меня перевели в четвертый класс, но в это время из 12-й образцовой школы часть учеников (и меня вместе с ними) переводили в другие школы, в частности в 4-ю, которая открылась около Молоховских ворот в доме Волкова. В этом доме была станция по испытанию различных глин с целью разработки технологии производства из них красного кирпича. Станцию создал М.И. Старченко. Было это до войны. Станцию уплотнили и открыли школу № 4. Хороших учеников из 12-й школы не переводили.

* * *

Школа находилась близко от Молоховских ворот крепостной стены, построенной Федором Конем. Внизу башни были ворота. Они служили для проезда трамваев, прохода людей, подвод. Башня мешала движению. Улица была широкая, а за башней – площадь им. Смирнова. Нас однажды вывели из школы, увели далеко-далеко по улице Советской. Раздался страшный взрыв, башня взлетела на воздух. Красный дым, красная кирпичная пыль. Потом остатки башни разобрали, и улица стала широкой.

* * *

Однажды нас строем повели на площадь перед Домом Советов. Там выступали Калинин, Ворошилов, Буденный. Я был счастлив, что вижу таких людей. Потом уже я узнал, что эта тройка

приезжала в Смоленск, чтобы навести порядок в партийных рядах. Были проведены аресты первых секретарей: Румянцева, Ракитова – людей уважаемых, толковых. Через много лет в расстрельных списках, которые публиковались в «Вечерней Москве», я нашел фамилии Румянцева и Ракитова.

Был в Смоленске очень заметный человек, профессор Сельскохозяйственной академии. Он ходил всегда, зимой и летом, в вышитой рубашке-косоворотке с пояском. Лысый, с расстегнутым воротом, с тросточкой. Закаленный человек. Его тоже арестовали. О нем в «Рабочем пути», смоленской газете, была статья: «Парень – душа нараспашку». Был еще один заметный человек, называли его «комендант Блонье»⁶. Он ходил в военной форме то ли с шашкой, то ли только с футляром от шашки, был он глухонемой и всегда улыбался, пристраивался к людям, особенно военным, крутился среди них. Объявили, что он говорящий, что это немецкий шпион, и его тоже арестовали.

* * *

Жили мы по-прежнему в тяжелых условиях в комнатке бывшего дома Долбоносовой. Бывшего потому, что к этому времени уже отняли у нее все дома и оставили ей только маленькую комнатку. Один раз папа с мамой сделали попытку переехать в комнату в Графском переулке недалеко от нас. Сначала он назывался Графский, очевидно, это владение какого-то графа, а потом его переименовали в переулок Графтио, а Графтио – это был известный инженер, энергетик, электрик, он участвовал в разработке плана ГОЭЛРО. Комната эта, как видно, принадлежала военному ведомству. Несколько дней мы там прожили, потом пришли солдаты и силой вытащили оттуда кровати. И мы приютились всей семьей в маленькой прихожей, где даже сидеть было негде. С неделю мы там мучились и наконец вернулись в нашу комнату в Козловском переулке. Но вскоре нам повезло: нам дали комнату в квартире по улице Магнитогорской, которая раньше называлась Козловской.

На Магнитогорской улице, во дворе дома 10 стоял маленький двухэтажный домик. На пер-

⁶ Блонье – парк в центре Смоленска. – Прим. ред.

вом этаже была квартира, где жили Цукеры, там была дочка большая, сын Борис и маленький, я не помню имени. Потом жила Дольская в другой комнате, пожилая артистка, и семья Каганов бездетных и с ними же их племянник Оська. Нам досталась комната метров десять, но она была теплая, из коридора топилась черная круглая печка. Она была устроена так: закладывались дрова, она зажигалась и закрывалась. Она очень долго держала тепло, мы просто ожили в этой квартире по сравнению с тем, что творилось с нами в этой обледенелой комнате в Козловском переулке. Правда, часто вода пропадала. Там была вода на кухне, иногда она замерзала, в этом случае я брал ведра. Особенно зимой, я помню сильные морозы, я брал два ведра и вечером отправлялся по улице Реввоенсовета по направлению к штабу Белорусского особого военного округа. Немножко не доходя до штаба была водопроводная будка, и там за синий талончик давали два ведра воды. И с этой водой я шел с остановками, через каждые 30–40 метров ставил ведра, и приносил домой.

* * *

Через много лет, когда я приехал в Смоленск, я пошел в Козловский переулок, где мы вначале жили. Там все сгорело. Переулок Графтио тоже не существовал – там все сгорело, и вдали была видна только крепостная стена, которой не было видно, когда я там жил, потому что застройки и сады загорали. Я пошел туда, где мы потом жили, на Магнитогорскую улицу, дом 10. Там тоже: нашего дома не было, а на его месте была щепенка битая, не убрано. Я ходил-ходил и нашел эти самые куски труб, торчащие из щепенки. Это опора козырька, который был над входом в наш дом.

* * *

Папа умел все: он мог сарай сделать для поросенка – и делал, мог полы перестелить, засыпать утепление, строил вместе с Мишей, но уже как руководитель, в Каменке свой дом. Были у него карманные часы, Павел Буре, и периодически они переставали работать. Папа их раскрутил и догадался, что там маятник сработался, нужен другой. Но где достать другой – уже таких запчастей не было, да он и не искал. Он взял кусочек консерв-

ной банки, вырезал, подогнал, закрепил, и эти часы у него ходили полгода-год, потом он опять менял сработанный маятник. Починить трещины в мандолине – пожалуйста.

В Почепе, где он родился и жил, у него был товарищ, Яша Фильковский, он учился на портного и стал портным. Потом они расстались, папа уже женился и переехал в Смоленск. И через много лет, наверно, в 1936–1937 году, они случайно встретились в Смоленске на улице и снова стали дружить.

С дореволюционных времен еще у папы была шуба хорьковая. Она висела в шкафу, и мы, дети – я и Миша, – любили забираться в этот шкаф, залезать в висячую шубу, кругом шкурки и хвостики, мы дергали за хвостики и как следует порвали эту шубу. Папа спросил у Фильковского, нельзя ли что-то из них сделать. Он посмотрел и говорит: «Мех хороший. Ты возьмишь: все распори, шей заново эти шкурки, все остальное потом я буду делать». В общем, получилась обновленная шуба – несколько короче, чем была.

Он любил делать лапшу домашнюю: мука с яйцами, с водой, с солью размешивалась, делалось тесто, потом из этого теста раскатывались тонкие тонкие листы прямо во весь стол. Эти листы укладывали потом на кровать, на чистое полотенце на стол. Когда они подсыхали немножко, папа их складывал и тонко-тонко нарезал своим сапожным ножом, а потом они снова сушились, и так получался запас очень вкусной лапши. В магазинах тогда это не продавалось. Мог испечь бисквитный торт и многое-многое другое.

В свободное время папа очень любил читать, особенно какие-нибудь юмористические рассказы Зоценко. Память у папы была необыкновенная. Был такой случай: папа купил один билет, облигацию. Как-то он был у одного товарища, там была газета с номерами облигаций, на которые выпал выигрыш. Папа посмотрел газету и увидел, что его облигация выиграла 250 рублей, он оказывается, помнил и номер, и серию. Сразу они вдвоем побежали домой, папа достал облигацию, посмотрел – точно, 250 рублей, в то время это были колоссальные деньги.

На эти деньги мы купили диван, папа себе сшил черный костюм, и еще купили двух поросят, но у нас во дворе их держать было негде. Папа до-

говорился с другим сапожником, Марковичем, у которого недалеко, на одной из соседних улиц, был сарай. Поместили туда этих двух поросят и договорились, что один день будут кормить они, другой день – будем приносить еду мы. Вскоре выяснилось, что поросята были сыты, только когда мы приносили, а та семья не кормила их. И тогда папа у нас во дворе внутри сарая, который был рассчитан на много жильцов, в нашем отсеке, выделил маленький закуточек, переложил дрова в сторону и сделал загончик для поросенка. Так надо было забрать поросенка. Конечно, те заявили, что они отдадут только меньшего, ну, меньшего поросенка мы и взяли.

...Тетрадей в продаже не было, приходилось из какой-то серой бумаги делать самодельные тетрадки, шивать их, чернила часто расплывались на этой бумаге. Вечно приходилось ремонтировать авторучку, внутри которой была пипеточка, ручки эти текли, руки всегда были в чернилах. А чернила приходилось делать тоже самому: брали химический карандаш, наскребали стержень, с водой – вот так учились.

А однажды распространился слух, что в одном центральном магазине в Смоленске будут продавать тетради за копейку. Почему-то мы в то время стали собирать копейки. И мы с братом Мишей накопили очень много этих копеек, пошли туда и очень много тетрадей купили за эти копейки. Наверно, копейки исчезли из оборота, и вот таким путем от населения их возвращали опять в казну...

Папа был небольшого роста, по-моему, его голова была чуть-чуть выше моего плеча, худенький, но ловкий и сильный. Еще в молодости, когда мы были совсем маленькие, он как-то стал бороться с соседом, Хаимом-Довидом. Тот был грузный, большой человек, и вот у них борьба шла: уперлись, один пытается в одну сторону, другой – в другую, и вдруг папа, вместо того чтобы сопротивляться, добавил еще нажим в ту сторону, куда Хаим-Довид давит, и они оба повалились, и папа его положил на лопатки.

Характер у него был довольно твердый, он умел поставить себя так, чтобы его уважали, среди родни особенно, и на производстве тоже. Все мамыны сестры (а их было всего шесть) и два брата

жили в Смоленске. И очень часто, когда приближались праздники, была традиция собираться вскладчину.

Жизнь была тяжелая, зарплата почти у всех была очень маленькая, продукты в магазинах фактически нельзя было купить, все на базаре. Сливочное масло вообще никогда в магазинах не появлялось, сметаны не было. Не было в продаже белого хлеба, батонов, муки не было. Мука вообще была валютным товаром, и взять ее можно было в Торгсине за золото. А мука нам особенно была нужна, потому что когда у папы была язва желудка, ему можно было есть только белый хлеб. По большому секрету, по благу эту муку нам доставал один знакомый тетки Баси, жены моего старшего дяди Моисея, звали его Йошке дер Шамовер, т.е. звали его Йошке, а был он из местечка Шамово. А торговать мукой тогда было так же опасно, как теперь наркотиками.

* * *

У папы был довольно твердый характер. Это проявилось на одной из семейных складчин. Папа оказался рядом с тетей Басей, той самой, у которой был Йошке дер Шамовер. Папа вилочкой достал себе что-то, мгновенно эта тетя – хватъ у него с вилки, стащила и съела сама. Папа взял опять что-то, а она опять – хватъ, и вытащила у него изо рта. В третий раз он что-то взял – опять это повторилось. Папа положил вилку и сел, все – больше есть он не стал. Тут все уже увидели:

– Что такое?

– Я сыт, мне больше ничего не надо.

Как-то на работе в обеденный перерыв в артели «Труд», где папа работал, подошел к нему один сапожник и говорит:

– Моисеевич, одолжи мне денег на обед.

– На обед у тебя всегда должны быть деньги. Вот если ты идешь одалживать на водку, это – пожалуйста. Мы же с тобой на днях получили зарплату, так почему у тебя ее нет, а у меня, ты считаешь, есть?

– Я не рассчитал.

– Так в следующий раз рассчитывай.

Папа ему не дал денег, потому что знал, что он все равно не отдаст. Это был любитель выпить и покушать за чужой счет.

Однажды папа решил поступить как настоящий сапожник. После полочки он купил четвертинку водки, пришел домой, и потом семь вечеров он эту водочку пил. Выпил четвертинку, и каждый раз он был пьяный, ложась спать.

В другой раз папа мне сказал, что нас пригласил его знакомый, повар в доме отдыха в Красном Бору. Мы сели на трамвай, приехали на вокзал, на поезде доехали до Красного Бора, это километров 8–10 от Смоленска, и пришли в этот дом отдыха. И здесь я впервые попробовал необыкновенные мясные блюда, повар нам их вынес отдельно, и я наслаждался их необычным вкусом. Холодильников тогда не было, поэтому старались сразу все это сварить и держать долго-долго в печке, поддерживая там высокую температуру, чтобы не испортилось, дня два так было.

Я уже говорил, что в магазинах мяса в продаже не было. С бойни все отправлялось куда-то в центр: в Москву, в Ленинград, а жителям Смоленска доставались кости и требуха. Исключение составлял партийный актив, который был прикреплен к специальному закрытому распределителю, и в зависимости от чина партийного выдавалось на семью один, два и даже три пайка. Но там уже было все: и бисквитное печенье, и сливочное масло, и колбасы, и мука, и даже керосин. Я это знаю потому, что после операции, которую папа перенес по поводу язвы желудка, его послали работать в сапожную точку по ремонту обуви при магазине партактива, и ему дали один паек. Так на этом пайке мы вчетвером жили припеваючи. А шикарные дамы, которые получали по два и даже по три пайка, многое продавали на рынке, не сами конечно, потому что съесть это нормальным людям было невозможно.

Все годы, сколько я себя помню, до 1937–1938 года, у нас всегда висели ходики – такие примитивные часики с гирей. Периодически, когда они переставали ходить нормально, к этой гире добавлялась еще какая-нибудь тяжесть. А потом папа их снимал, разбираал, чистил, снова собирал, и они уже ходили на основной гире. И вот однажды папа принес замечательные настенные часы в деревянном корпусе, с дверцей, там отбивалось время по часам, просто замечательно. Папа несколько месяцев откладывал с каждой полочки по

несколько рублей, и вот он выкупил эти часы. Это была самая шикарная мебель в нашей квартире, если часы можно назвать мебелью.

* * *

В Смоленске привыкли к тому, что в продаже нет масла, сметаны, муки пшеничной. Еще раньше, в 1929–1930 годах, папа, который работал уже в артели, пошел учиться и оказался хорошим учеником. После работы он спешил на вечерние занятия в школу, потом делал уроки. Иногда ходил к Ивану Коновичу, нашему соседу, тот ему что-то объяснял. Папа учился очень хорошо и с увлечением. Хотел окончить семь классов, потом можно было пойти в техникум. Но, к сожалению, он заболел язвой желудка. Болезнь прогрессировала, учебу пришлось бросить.

Папе иногда от производства давали направление в диетическую столовую. Тогда в течение месяца ему становилось лучше: там паровое питание и т.д. Но это было изредка, а потом снова обычная еда. Он очень мучился изжогой, соду принимал. А работа тяжелая: около примуса, надо было напрягаться, колодки снимать – это физический труд. И 5 мая 1934 или 1935 года у папы случилось прободение язвы желудка. И он, как лежал на диване, свалился на пол, стал кататься от сильнейшей боли. Дядя Хаим-Довид, наш сосед, побежал за извозчиком, папу повезли в больницу. Ему сделали резекцию желудка, две трети желудка вырезали. Папа пришел домой совершенно ослабленный. Мама старалась его каждые час-полтора чем-нибудь кормить. Я помню совершенно необыкновенное блюдо – гренки. Кусочек белого хлеба мочат в молоке с яйцом, жарят на сковородке. Он мог съесть не больше полстакана еды сразу.

* * *

Когда папа немножко поправился и смог снова пойти на работу, ему дали привилегированное место. Он стал работать в торговой точке при магазине партактива⁷. Там был магазин для особых, прикрепленных. Чем более высокий пост занимал партийный работник, тем больше у него было пайков. Один, два и даже три. Папа работал вместе с Хевенсоном, тоже сапожником и тоже язвен-

⁷ Партактив – актив партийной организации.

Абрам Моисеевич Галицкий. Подпись на обороте фотографии: «На память дорогой жене от мужа 30 сент 44» (из личного архива семьи Александра и Ефима Галицких)

ником. При магазине была маленькая комната. И папе дали один паек. Но этот паек был спасением. Там было и сливочное масло, и бисквитное печенье, и мясо, и колбасы – что-то сказочное. Магазин назывался «Закрытый распределитель».

Сливочное масло стоило 18 рублей за килограмм, сахарный песок – 3 рубля 80 копеек, кусковой сахар – 4 руб. 10 коп., пол-литра водки – 6 рублей, четвертинка водки – 3 руб. 15 коп., бокал пива – 68 коп., черный хлеб – 68 коп., а самый темный белый – 1 руб. 10 коп. Я помню, что телефон одного из отделов редакции «Рабочий путь» был 3-15-68, то есть четвертинка плюс бокал пива.

Папа был очень дисциплинированный больной. Он никогда не нарушал режим, который ему предписали врачи. Поэтому он поправился и даже был признан годным для призыва в армию, когда началась война. А второй сапожник, Хевенсон, начал пить, как сапожник, и у него опять стало плохо с желудком.

* * *

Несколько лет в стране были карточки на хлеб, еды не хватало. И вот был объявлен день, когда отменили карточки и ввели коммерческую продажу хлеба. Цена на хлеб сразу выросла, но можно было купить его, сколько хочешь. Мама, Миша и я бросились в магазин, целый день стояли там в очередях. Наташили домой уйму хлеба. А на завтра выходим – в магазинах опять хлеб есть, а народу нет уже, никто не хватает. Мама стала думать, что же нам с этим хлебом делать. Придумала: пошла с большой корзиной хлеба на базар, и крестьяне его купили.

* * *

Дух у народа поднимали один за другим судебные процессы над врагами народа. Над троцкистско-зиновьевским блоком, Бухариным, Рыковым, Томским. Я вспоминаю реакцию папы. Он читал газету и восхищался, какие вопросы задает генеральный прокурор Андрей Януарьевич Вышинский⁸ и как они сознаются в совершении злейших преступлений. Он был возмущен, что они такие плохие люди.

Народ просил их расстреливать, во всех организациях проходили собрания, все дружно голосовали за то, что этих гадин надо раздавить. Если в стране есть какие-то недостатки, нехватки, то виноваты эти враги, которых поймали.

Было мне 15 лет, я остановился около огромного транспаранта в Парке культуры. На нем была нарисована голова Тухачевского, дальше тонюсенькая шейка и плечи, и эту шею обхватили ежовые рукавицы с шипами. Написано было:

⁸ Андрей Януарьевич Вышинский (1883–1954) – глава прокуратуры РСФСР, затем СССР (1931–1939), государственный обвинитель на всех политических процессах времен «Большого террора». – *Прим. ред.*

«Попался в Ежовы рукавицы»⁹. И я тоже считал, что это хорошо.

Тогда погиб не только маршал Тухачевский, но и Василий Константинович Блюхер, герой Гражданской войны, командующий Особой Дальневосточной Красной армией, и Егоров, и вслед за ним Уборевич, командующий Белорусским особым военным округом, штаб которого находился недалеко от нас. Вслед за тем посыпались и другие офицеры. В том числе был арестован Кимус Седов, о котором я уже рассказывал. У него была дочка Нина и жена Стеша. Его арестовали, расстреляли. А к этому времени и сама Стеша умерла от женской болезни. И Нина, я ее потом как-то встретил в библиотеке, такая несчастная, жила с теткой. Я не знаю, почему ее не сослали как дочь врага народа. Как-то она уцелела. А у нас во дворе арестовали отца Котьки Григуля. Мы считали: раз арестовали, значит, так надо.

* * *

На втором этаже нашего дома жил Миша Шур. Он работал в мастерской по перемотке электромоторов и пригласил маму к себе на работу: «Я тебя научу, будешь обмотчицей». И мама пошла. Что делает обмотчица? Старый провод от сторевого мотора очищается от изоляции. А потом в специальном станке этот провод движется, а катушки с нитками мотают в несколько слоев новые обмотки. Мама стала обмотчицей, и появилась вторая зарплата. Мы зажили так богато, как не жили никогда еще.

Эти дополнительные деньги нам пришлось кстати. Дело в том, что летом в Смоленске в одном из магазинов, недалеко от дома, где жили Соркины, каждый день в 11–12 часов привозили несколько бочек сметаны. А сметана – это такой дефицит! Люди приходили с утра и записывались в очереди. Потом мы с Фимкой стали такими активными, что нас прозвали «королями сметаны». Наша роль заключалась в том, что мы проходили

⁹ Николай Иванович Ежов (1895–1940) – в 1936–1938 гг. Народный комиссар внутренних дел. Михаил Николаевич Тухачевский (1893–1937) – маршал Советского Союза, репрессирован в 1937 г., реабилитирован в 1957 г. – *Прим. ред.*

вдоль этой очереди и отсчитывали десять человек. Десятому вручался талон – первый десяток, второй, третий. Но в эту десятку старались встать люди из хвоста, и таким образом люди брали сметану по несколько раз, а давали ее по 400 грамм.

Мы с Фимкой тоже набирали много сметаны, потом бегали к нему домой, там переливали в кастрюлю, потом возвращались и успевали встать в новую десятку. Когда сметана в бочках кончалась, у нас начиналась вторая стадия. Надо было из этой сметаны выбить масло. Это довольно нудная операция. Наливают в кастрюлю сметану и крутят деревянной ложкой, пока сметана не начнет собираться в комочки и наконец не появится масло и сыворотка. А мы сделали небольшое усовершенствование. Порцию сметаны наливали в литровую бутылку, закрывали пробкой, к бутылке привязывали резину, эту резину надевали на шарик железной кровати, и, отойдя от кровати на 15 сантиметров, начинали трясти бутылку вниз, а вверх уже помогала сама резина. И вот так трясешь-трясешь, а когда крупинки появятся, скорее переливаешь в кастрюлю. Покрутил ложкой – и готово, масло появилось. И так перетрясали всю свою сметану, получали масло. Потом промывали его долго-долго и выливали холодную воду. В конце концов получалось масло. Дальше мы это масло перетапливали и лили в большую банку. И так каждый день. У нас дома собралась большущая бутылка масла. Это была большая ценность в то время. Я помню, тетка Галя, которую потом немцы убили, пришла, увидела и говорит: «Я вам дам двести рублей за это масло». Но мы не отдали.

* * *

Первого сентября немцы напали на Польшу, а 17 сентября 1939 года наши войска пошли вперед освобождать братьев-белорусов и братьев-украинцев от панского гнета¹⁰. Мы, молодежь, радова-

¹⁰ Автор воспроизводит здесь клише советской пропаганды и историографии об освободительном характере похода Красной армии на Польшу, которая с этого момента вынуждена была вести непосильную и безнадежную войну на два фронта – против гитлеровских войск с Запада и Красной армии, наступавшей с Востока. Результатом советского вторжения в Польшу стало присоединение Западной Украины и Западной Белоруссии к СССР. – *Прим. ред.*

лись, что Советский Союз становится все больше и больше.

Зимой разгорелась Финская война. Нам объясняли по радио и в газетах, что финны угрожают городу Ленинграду, обстреливают его, граница находится очень близко. И войска пошла вперед, чтобы отодвинуть эту границу на расстояние, безопасное для Ленинграда¹¹.

В продаже появились «мерзавчики» – это бутылочки водки по 50 граммов. На эту войну ушел мой дядька Володя Галицкий. Потом он говорил, что там им выдавали водку в такой расфасовке. Он рассказывал, что он там еле уцелел. Там были страшнейшие морозы, больше сорока градусов, а одеты они были в шинели и ботиночки. Воевать там наши совершенно не могли, они проваливались в снег. А финны, или, как их называли, белофинны, были великолепно одеты. Сверху были маскхалаты и капюшоны, все прекрасно ходили на лыжах, были вооружены автоматами. Залезали на деревья, и один такой автоматчик мог уничтожить огромное количество наших беспомощных бойцов. Их называли «кукушки». А у наших была на вооружении трехлинейка пятизарядная конструкции Мосина 1893 года. Там замерзали целые дивизии. Наша огромная страна ничего не могла сделать с этой крошечной Финляндией, население которой в то время было 3,8 миллиона, столько же, сколько в Ленинграде. Сталин приказал поставить на гусеничный ход тяжелые пушки. Заводы срочно стали их изготавливать, подтягивать. Таким путем долбили доты, шли вперед, и к весне вроде прорвали линию обороны Маннергейма¹². Но наши потеряли там сотни тысяч бойцов, а финны – в десять-пятнадцать раз меньше.

Гитлер еще раз убедился в беспомощности нашей армии и бездарности руководства. Был заключен договор, наши отодвинули от Ленинграда границу, а взамен отдали финнам какие-то территории по Карельскому перешейку.

А Гитлер в это время громил на Западе. Разгромил Францию. Франция имела укрепленную границу с Германией – линию Мажино. А Германия имела против Франции свою линию – линию Зигфрида. И мне, Фимке и другим ребятам очень понравилось, когда Гитлер не стал прорывать эту линию Мажино, а ударил танковыми дивизиями на север – на Бельгию и Голландию – и напал на Францию с севера. Мы считали: «Вот молодец!», как будто это были соревнования по футболу. Фимкин отец – старик, переживший первую войну, – твердил: «Будет война, будет война». А мы смеялись. Однажды Фимка услышал какой-то храп в кровати, где лежал отец. Оказывается, он лежа надел петлю себе на горло, привязал ремень к кровати и стал задыхаться. Фимка его вытащил.

* * *

Итак, подходила осень 1940 года. В это время Ворошилов издал приказ, что в армию будут забирать восемнадцатилетних мальчишек после окончания десятого класса. Мишка Суринович, который учился в одной школе со мной, но в другом классе, сказал мне, что родители советуют уйти из школы и поступить в техникум, чтобы в армию пойти уже со специальностью.

И вот я, Фимка Соркин, Мишка Суринович и Кузнецов вчетвером пришли к директору Смоленского техникума связи. Был ноябрь, учебный год уже начался. Мы сказали, что решили перейти к нему в техникум на второй курс. Он ответил, что прошло уже два месяца учебы, и мы отстали. Мы показали свои оценки, а мы в основном были пятерочники. И он нам сказал: «Я вас могу принять со стипендией на второй курс. Но если в январе вы не подтвердите свои оценки, то стипендий у вас не будет». В то время стипендия платилась только отличникам или тем, у кого было 75% отличных оценок, а остальные хорошие. В школе нас уговаривали не уходить. Но мы настояли на своем, подали заявления и перешли в Смоленский электротехникум связи.

* * *

В Парке культуры и отдыха был фонтан. Красавец-аист стоял посреди круглого фонтана на камнях. Клюв был поднят вверх, крылья расправлены, из клюва вверх бил высокий фонтан воды, и

¹¹ Здесь имеется в виду Советско-финская война (1939–1940), вину за начало которой СССР возложил на Финляндию (что последняя отрицала). Автор воспоминаний верно воспроизводит клише советской пропаганды («Нам объясняли по радио и в газетах...»). – *Прим. ред.*

¹² Линия Маннергейма – основа обороны Финляндии, уникальные неприступные фортификации. – *Прим. ред.*

вода падала на крылья. Это был очень красивый памятник. Во время оккупации Смоленска немцы увезли этого аиста. Из Германии он не вернулся. А фонтан превратился просто в цветник. Это была большая потеря для сада. Наши из Германии привезли металлические фигуры каких-то животных и установили их. Маленькие дети любили сидеть на этих фигурах верхом и кататься.

* * *

Подошла весенняя сессия, после окончания которой я должен был стать студентом третьего курса. Шли экзамены. А в это время в газете и по радио появилось сообщение ТАСС¹³: «Слухи о том, что на границе с СССР Германия концентрирует свои войска, не имеют никакого основания. Германия просто переводит свои войска, как бывает в любой армии. Никакой опасности для нас не существует». Это было недели за две до нападения Германии. Я сам читал это сообщение и был рад, что все спокойно.

Но успокоилась и вся страна. Отцу Фимки Соркина мы тоже дали прочитать. А он говорит: «Я это знаю, но война все равно будет». Мы опять над ним посмеялись, считали, что он – темный человек, ничего не понимает. И вдруг 22 июня, в воскресенье – война. По радио сообщают, что пограничники приняли на себя удар этих армий и что навстречу движутся полевые армии, которые скоро войдут в контакт с фашистами. Мы ждали, когда этот контакт произойдет. А в это время война уже подходит к Минску – это первая неделя прошла. У нас в техникуме кто-то сообщил, что в Смоленске на станции стоит эшелон с беженцами из Прибалтики и что надо их встретить комсомольцам Смоленска. Мы поехали туда. В пассажирских вагонах было набито много людей, женщин с детьми. Мы им принесли цветы, а они говорят: «Дайте нам что-нибудь поесть». Тогда мы собрали все деньги, у кого сколько было, побежали в буфет, купили две коробки печенья и понесли по поезду с двух сторон. И вот я иду, а женщины протягивают руки, хватают: «Дайте еще, у меня ребенок голодный». Коробки быстро опустели, а больше нам нечем было им помочь. В одном вагоне нам сказали, что в первом купе едет семья пред-

седателя Верховного совета Латвии или Эстонии Палецкиса. Мы подошли, постучали. Открыла нам купе жена Палецкиса и говорит: «Спасибо вам, комсомольцы Смоленска, что вы нас так встретили. Будем надеяться, что война до вас не дойдет».

Видел я, как длинноносый немецкий самолет-истребитель гнался за тупоносим истребителем И-16. И-16 крутится-вертится, скорость маленькая. В конце концов «мессершмит» сбил его, и он упал вниз.

* * *

К нам домой пришел взволнованный, перепуганный, в военной форме, парикмахер Осмоловский. После оккупации Прибалтики нашими войсками он там находился с летной частью. И оттуда он привозил отрезки на костюмы, бритвы *Золинген цвиллингсверк*. По тем временам, огромные богатства. Он принес нам на хранение два отрезка сукна и сказал: «Все пропало. Полный-полный разгром. Я еле-еле на самолете сумел оттуда убежать в Смоленск. В общем, беда».

* * *

22 июня 1941 года началась война, а уже на следующий день папа получил повестку. Он пошел на призывной пункт. Ему шел 49-й год. На медкомиссии его спросили, что это за шрам на животе. Он объяснил, что ему удалили две трети желудка. Но справки у него не было, и его признали годным к нестроевой. Записали ему, что он шорник, и забрали в армию. А до войны Миша часто шутил: «Если, папа, тебя призовут, то ты пойдешь в кавалерию, но будешь ехать на козле маленьком». Папа был очень маленького роста.

На работе ему выдали деньги, всем рабочим сразу же выдали деньги, большие по тем временам – 650 рублей, когда он получал порядка 200 рублей в месяц. Он пришел с этими деньгами, отдал их нам, что-то взял, наверно, единственный раз в нашем присутствии поцеловал маму, он вообще не любил эти нежности, я с ним поцеловался тоже, стеснялись оба. (Он говорил: ласточки в лесу, ласточки – то есть ласки). И он ушел на войну.

* * *

На третий или четвертый день войны немцы разбросали листовки о том, что ночью Смоленск

¹³ Телеграфное агентство Советского Союза.

будет сожжен. Люди потянулись за город, в ближайшие деревни. Пришел Фимка Соркин и говорит: «Пойдемте вместе». Мы с мамой погрузили на велосипед какие-то пожитки, в том числе мамин зимнее пальто, с нами и Фимка с семьей – Ида, Нюня и его мама, – а отец не пошел, но потянулось еще много народу с нашего двора. И мы пошли в деревню, которая попала нам на пути. Это была деревня Маркатушино. Нас приютила семья, которая жила в хате. Нас разместились в хате человек 15. И тут у меня возникла идея: надо построить на огороде щель. И вот мы с ребятами стали копать щель в земле. Копали-копали, уже темно совсем. И вдруг мы увидели, что на нас цепь бежит. Первая мысль была, что это немцы-диверсанты. Откуда только берется прыть? Я сразу прыгнул в бурьян, успел сорвать несколько крупных кустов бурьяна и расставить над собой. А Мишка Суринович замешкался. Те кричат: «Руки вверх!» Он руки поднял, а бегущий впереди все равно стреляет. Но не попал. Подбежали: «Кто вы такие? – «Мы из Смоленска». – «А где тут стреляли?» Мы показали направление, и они туда побежали. Там был выброшен десант, и их послали ловить его.

Стемнело, и весь горизонт загорелся. Горел Смоленск. Потом начались взрывы. Мы сидим, смотрим в эту сторону и видим: издалека приближается большая толпа людей. Ночь была лунная, было немножко видно. Они шли-шли и наконец дошли до нас. Меня поразило, что впереди был седой-седой старик. Они сказали, что горят их улицы. И они мимо нас побежали дальше.

Настало утро. Рассвело. Пламя стало не видно. Мы с Фимкой Соркиным решили пойти в Смоленск посмотреть. Я надел Мишино зимнее пальто, Фимка тоже надел пальто, и мы пошли в Смоленск. Это километров пять. Мы уже подходили к Смоленску со стороны Никольской башни, той самой, где когда-то в детстве я, папа и Миша набирали воду за синий талончик и я никак не мог рассмотреть ядро в стене от наполеоновской пушки. Пришли к нам во двор, на Магнитогорскую, дом 10. Наш дом стоит целый, дом Морозовых тоже целый, дом, где Григули жили, тоже целый. А рядом с нашим домом был длинный сарай. Сарай сгорел. Выходит нам навстречу артистка Дольская и говорит: «Я тут всю ночь воевала с огнем, чтобы он не перекинулся на наш дом. Больше у меня сил нет. Теперь вы сами

воюйте». Сарай уже догорал. Мы вылили несколько ведер воды. Стали что-то откапывать. И там я увидел поросенка, мы его потащили, перевернули. Снизу он был белый, а наверху черный. Опасности, что огонь перебросится на наш дом, уже не было. И мы пошли к Фимке на Сенную площадь.

Фимкин дом сгорел, но мы к этому относились уже без особой трагедии. Пошли по улице Пушкинской от часов в сторону сада Блонья. Шли мы по центру улицы. Сейчас эта улица называется улицей Ленина, она тянется дальше, пересекает Советскую улицу и движется прямо по улице, которая раньше называлась Магнитогорская. Теперь улица Ленина стала в два раза длиннее и дошла до того места, где мы жили на Магнитогорской, дом 10. И мы шли по центру этой улицы, потому что жарко было, и слева и справа по этой улице все горело, обваливалось.

* * *

А в это время маме и мне прислали повестки из военкомата. Мама – на трудфронт, а я пошел в военкомат. Взял зачетную книжку, паспорт. А призывной пункт находился во дворе артели «Труд», где работал мой папа. Это на краю Смоленска, рядом с крепостной стеной. Здание находилось за официальной чертой города. Подхожу ко двору, а он полностью заполнен людьми, стоят вплотную, нет ни одного прохода. Я остановился около ворот. Какой-то мужчина спрашивает:

– Ты чего пришел?

– Повестка пришла.

– А ты иди вдоль забора и увидишь маленькую конторку – тебе туда.

Я так и сделал. Вошел в эту конторку. За столом сидит военный человек. Я подаю ему повестку, а он меня спрашивает:

– Кто ты такой?

– Я – студент Смоленского техникума связи.

– Покажи документы.

Я ему даю зачетную книжку, паспорт. Он посмотрел и говорит:

– Нам на фронте нужны связисты. Немедленно уходи отсюда, ищи свой техникум, кончай. А отсюда немедленно убирайся: с минуты на минуту могут налететь самолеты, и здесь будет сплошное мясо.

Что значит: ищи свой техникум? Техникум наш уехал, и говорят, что уехал в Казань.

Мама уже не было – она ушла копать противотанковые рвы. Меня отпустили из военкомата, я один во дворе. И вдруг заходит во двор Оська Каган в обмотках, в ботинках, в старой гимнастерке, в испанской шапке. А за плечами у него винтовка.

– Оська, ты где винтовку взял?

– Во дворе техникума связи дают.

Прибегаю во двор – там пусто. И вдруг из здания техникума выходит завуч:

– Ты чего пришел?

– Говорят, здесь винтовки дают.

– Ты опоздал. Мы вчера отправили батальон ополчения. Приходи дня через два – мы будем формировать еще один батальон.

Но события развивались так стремительно, что этих двух дней уже не оказалось. Я пошел на улицу купить хлеба – хлебозавод сгорел, хлеба нигде не продают, магазины закрыты. Иду по улице: стоит огромная гусеничная пушка, целая, никого около нее нет, экипаж убежал. А вдали слышится артиллерийская стрельба. Фронт приближается к Смоленску. Я сел на трамвай и поехал на вокзал. Это в нижней части города, за Днепром. Подъехал к вокзалу, вышел. А вся привокзальная улица длиной больше ста метров заполнена толпами людей. Не только сам вокзал и перроны, но вся улица заполнена. Там тысячи людей собрались. Я повернулся и пошел домой.

Что делать? Решил, что надо готовиться. Войск нет, артиллерия работает, мамы нет. Я на всякий случай решил подготовиться к отходу. Впервые в жизни я открыл наши шкафы и достал все, что у нас там было. Потом взял половик, разрезал его пополам, сшил два небольших рюкзака, пристроил туда лямки и решил, что если придется уходить из Смоленска, то недалеко. Пересидим где-нибудь в лесу. Поэтому надо брать только самые необходимые вещи, а дорогих вещей не брать. Жалко – они могут под дождем испортиться. Из двух отрезков Лёвы Осмоловского я взял один. Положил в рюкзак бритвы. Все остальные наши вещи и даже фотографии, которых было очень много, я запаковал, положил в сундук, затащил его за забор, выкопал большую глубокую яму, поставил туда наш сундук и закопал. После войны мне рассказали, что, когда мы ушли, соседи из другого двора тут же пришли и все вытащили. Не все же уходили из Смоленска.

Моисей Галицкий. 1942 год (из личного архива семьи Саши и Ефима Галицких)

Пришла мама. Вошла во двор худая, черная, еле живая. Вернулась с отравлением желудка. Я положил ее спать, а сам сел на трамвай и поехал опять на вокзал. Приехал в другой конец города, а там пусто, никакой толпы. Подошел прямо к платформе – народу нет. И я решил, что, наверно, отсюда можно уехать.

Мама рассказала, что они были на строительстве противотанковых рвов в ста километрах от Смоленска. Они там очень много накопили. Там была Злотникова, она взяла с собой сына 12 лет, потому что оставлять его не с кем. Пока взрослые копали рвы, мальчик был в школе. В это время налетел самолет, бросил бомбу на школу, и мальчик погиб. Несколько дней женщины работали, и вдруг прямо на рабочее место прибежал офицер и ска-

Моисей Галицкий. Коканд, июль 1942 года (из личного архива семьи Саши и Ефима Галицких)

зал: «Немедленно убирайтесь все отсюда. Сейчас здесь будут страшные бои». Они потянулись по дороге к Смоленску. Налетели самолеты. Женщины с испугу стали прыгать с дороги в канаву. Мама прыгнула, а там вода была ей по пояс. Сверху прыгнула какая-то женщина и притопила в этой тухлой воде маму. Она там захлебнулась. Началось отравление желудка. И вот они тянутся-тянутся к Смоленску, а по дороге пустые хаты. Зашли они в какую-то хату: печка горячая. Открыли – а там стоят чугуны с едой. Женщины стали есть, а мама не может. И так тянулась-тянулась она к Смоленску. А потом какой-то крестьянин на подводе подвез маму. Около Смоленска он ее высадил: «Дальше не поеду. Там уже немцы». Мама решила: немцы – не немцы, а она идет домой ко мне.

Я вернулся с вокзала. Мама отдохнула. Я ей говорю:

– Испеки чего-нибудь хлебного. У нас есть ржаная мука.

– Но нет ни дрожжей, ни закваски, ведь ничего сделать нельзя.

– Да замеси, что будет, и поставь в печку, посмотрим.

Она испекла эти камушки, и мы их собрали в дорогу. Кроме того, у нас был запас кускового сахара. Я набил этот сахар в карманы зимнего пальто. Два-три килограмма сахара мы собрали.

* * *

На дворе собралось несколько взрослых человек. Стали обсуждать, куда идти. Дольская говорит: «Надо идти в город Красный. Там мы сядем на пароход и поплывем». В это время пришла Гутнахт с нашей старой квартиры со своей дочкой Раей. Их дом сгорел, и они попросили пожить пока у нас. Мы отдали им ключи от квартиры.

Мамино зимнее пальто осталось в деревне Маркатушино – не успели забрать. А Дольская говорит:

– Идите ко мне и выбирайте все, что вам понравится.

Мы пошли к ней, открыли шкафы, а там меховые шубы, дорогие пальто. Мама говорит:

– Нет, неудобно, я не возьму.

Так она и осталась – без своего и чужого пальто.

Когда Миша уехал в Севастополь, то его зимнее пальто, купленное на велосипедные деньги, перешло ко мне. А до этого у меня было пальто, которое мы достали с большим трудом. Стояли в очередях, хватали что попало и схватили демисезонное пальто. Оно оказалось девичьим. Конечно, мне было неудобно, но деваться было некуда, приходилось в нем ходить.

Часа в четыре дня в ясную солнечную погоду мы двинулись на вокзал: я, мама и еще одна девочка, Иванова. Иванова жила в том же доме, где и Григули, на первом этаже. Она всегда сидела у окна и учила. Я никогда не слышал ее голоса, она не участвовала в наших играх, это была девочка комнатная. А тут она сказала:

– Я поеду с вами, мне нужно доехать до города, где живут мои родственники.

По Советской – вниз, с горочки, и пошли с котомками налегке. Я только взял с собой из цен-

ных вещей один отрез дяди Лёвы Осмоловского и бритвы. Оставил дома великолепную мандолину, которую мне подарил Миша Шур, уходя в армию. Мандолина была красавица. Внутри нее были натянуты пружины. Она была склеена не из обычных долек, а из ребристых, вогнутых. От колков до конца деки перламутром была нарисована морская пучина, из нее выходит русалка, вьется по грифу и доходит до головки, где находятся колки. Чудесная была красавица-мандолина, с исключительным звуком. Очень легко было на ней играть. И я подумал: «Если я возьму ее в лес, она промокнет».

Идем мы по пустому Смоленску. Недалеко от моста был маленький охотничий магазин, он не сгорел. А рядом с ним на углу был молочный магазин. Мы зашли туда, хотели что-нибудь купить. Никого нет: ни продавцов, ни кассира. На полках лежат большие шары сыра. Мы покрутились-покрутились – как купить, не знаем. В это время зашел мужчина, откинул прилавок, деревянную доску, подошел прямо к полке, взял две большие головки сыра под мышки и ушел. Мама говорит: «Пойдем отсюда. Раз нет продавца, нам тут нечего делать. Всю войну и до сих пор я помню этот сыр. Особенно когда деваться от голода было некуда, я не мог себе простить, как же мы не взяли тот сыр.

* * *

Еще я мечтал о жареной картошке, которую видел в будке железнодорожника. Подошли к вокзалу, вышли на перрон. И тут к перрону подкатил целый состав открытых грузовых платформ. Состав остановился, и, откуда ни возьмись, набежали люди. Видно, сидели в здании. И давай лезть на эти платформы. Мы с мамой тоже залезли, но места нам уже не хватило. Мама села внутри, а мне пришлось сесть так, что одна нога была внутри платформы, а вторая стояла на швеллере снаружи. В это время к вокзалу стали подходить немецкие самолеты. Началась стрельба зенитных пушек, разрывы впереди самолетов. Они отвернули и на железнодорожную станцию бомбы не сбросили. Мы стояли очень недолго. Поезд тронулся и поехал. Юность, молодость: ничего еще толком не понимаешь. Я вытащил ключи от нашего дома и забросил их. Ура – мы уже дома не будем жить.

Поезд медленно-медленно дотянулся наконец до Шеиновского моста. По этому мосту, запасно-

му, не действующему, мы перешли через Днепр. Потом я узнал, что и старый мост, рядом с которым был магазин, где мы не взяли сыр, и этот Шеиновский мост были взорваны через несколько часов после того, как прошел наш эшелон. За нами прошел еще один эшелон, а потом эти мосты были взорваны, потому что немцы вошли в верхнюю часть города и дошли до Днепра через четырех-пять часов после того, как мы оттуда ушли.

Поезд двигался медленно, потому что пути были старые, заброшенные. Впереди шел помощник машиниста и проверял состояние пути, а поезд тянулся за ним со скоростью пешехода. К ночи эшелон остановился в длинной лощине. Слева и справа высокие откосы. Темно. Паровоз остановился. Там погасили огонь. По всему составу пробежали люди и предупредили: «Костры не разводить, чтобы было темно». И наш эшелон немцы нигде не бомбили, а эшелон, который шел за нами, разбомбили.

Страшно хотелось есть. Я попробовал те комочки, которые мама испекла. Никак не могу проглотить. Есть охота, а не могу. Наконец мы доехали до Ельни, это сто километров от Смоленска. Я спрыгнул с платформы. Прямо около путей маленький базарчик. Женщина продавала желтое соленое сало. Я купил кусочек сала – и снова в эшелон. И потом, отрезая маленькие кусочки этого сала, я уже как-то с большим трудом прожевывал вот эту глину.

Рядом сидели еще люди, евреи в основном, за исключением девочки Ивановой. Семья, состоящая из старушки и женщины средних лет, попросила, чтобы мы купили им тоже какой-нибудь еды. Доехали до Спас-Деменска. Там была остановка подольше. Я взял бидон, деньги были при мне. Я наткнулся на яйца, но опыта нет, а яйца продавались надбитые. Я набил целый бидон этих яиц, заплатил и принес всем. А те женщины не стали их брать, поскольку яйца оказались тухлые.

Очень хотелось есть, но еще больше хотелось спать, потому что спать в той позе, которая у меня была, я почти не мог. Когда поезд останавливался, я соскакивал с платформы, тут же ложился и засыпал. Как только поезд трогался, меня будили, и я вскакивал опять – поехали дальше. Где-то мне удалось купить сырую картошку. Раздобыли котелок. Поезд остановился. Пару кирпичиков, костер,

пытаюсь сварить. Но не успеешь сварить, опять поезд потянулся, опять бегом, скорее на свое место, поехали дальше. Опять остановка – опять варить. И все-таки сварить ее удалось, и мы ее съели.

Рано-рано утром, только рассвело, поезд остановился в поле. А как только поезд останавливается, люди бегут туда, где можно что-то купить. Я посмотрел: недалеко стоит железнодорожная сторожка. Я бегом туда, в зимнем пальто. Вбегаю в сторожку. За столом сидит большая семья: дети, взрослые. На столе стоит огромная, как колесо, сковорода с жареной картошкой. Я вытащил из кармана несколько кусков сахара-рафинада и говорю: можно обменять на хлеб или что-нибудь другое. Старший говорит:

– К сожалению, хлеба нет. Сахар я не возьму, но ты садись с нами, поешь картошки.

– Нет-нет, я не могу.

И убежал: как же я буду есть картошку, а мама там голодная. Но потом всю войну, а особенно в больнице, когда я болел воспалением почек, все время помнил эту картошку.

* * *

Подъезжаем к Мичуринску, который раньше назывался Козлов. Пошли дожди. И вот мы сидим с мамой, прикрывшись Мишиным зимним пальто, а у меня в кармане уже вода. Ничего, терпели. Во время очередной остановки эшелона я увидел семью Суриновичей: сам Суринович, его жена Хая, старший сын Хаим, средний сын Миша и младший Юля. До войны Суринович был заведующим мастерской, которая находилась около дома Красной армии, в церкви, а папа работал там сапожником. Фактически Суринович был начальником папы.

Как-то папа мне сказал: «Если у тебя есть свободное время, приходи вечером ко мне в мастерскую. Там никого не будет, поможешь мне кое-что сделать. Все, что ты сделаешь, мы потом подсчитаем, и у тебя будут деньги, чтобы пойти в кино». Я с удовольствием вечером к нему приходил. Папа занимался ремонтом обуви. Он мне давал резиновую обувь, и я зачищал те места, которые надо заклеить. Это трудоемкая работа. А потом папа доделывал: намазывал, приклеивал. Проходило часа два-три, и папа считал, сколько мы с ним работали. По квитанции он определял, насколько больше мы сделали вдвоем. Папа рассказал

своему начальнику Суриновичу об этих экспериментах. А тот ему говорит: «Не надо этого делать. Твой сын учится хорошо. Пусть у него будут мысли о новой хорошей профессии, а не о сапожном деле». Я не знал об этом разговоре, но папа перестал меня приглашать в мастерскую. Через много лет он мне рассказал. Но то, что я научился ремонтировать резиновую обувь, пригодилось мне для ремонта обуви и велосипедных камер.

Суринович сказал, что мы должны держать путь и пробиваться в Казань, куда уехал Смоленский техникум связи. Мы сели в маленький товарный вагон и потом весь путь держались вместе. Приходилось все время искать что-нибудь съестное, поэтому на каждой остановке прыгали на землю и бежали в ту сторону, где есть жилье. Иногда бежишь-бежишь, оглянешься, а наш эшелон уже движется. Тогда бежишь его догонять. Если на свой эшелон не попал, садишься в тот, что сзади плетется. На остановках догоняешь свой. И таким путем как-то удавалось существовать: что-то купить или обменять на сахар.

* * *

Город Пенза. Здесь впервые всех эвакуированных накормили и помыли. Все прошли санобработку. Во время войны это было очень хорошо налажено. Паровоз, за ним один-два вагона. В одном вагоне моются, в другом – жарка перегретым паром. Когда человек помылся, он уже получает свой узелок, но горячий и пахнущий жареным.

Мы так изголодались за эти дни, что никак не могли наестся. Однажды мы с Мишкой и Юлькой пошли в столовую еще раз поесть. Зашли туда, а народу в столовой уже почти нет. Сели за стол. К нам подошли женщины-официантки:

– Вы что, еще не ели?

– Нет.

Они принесли нам целый стол еды и сидят, смотрят на нас. А мы уже есть не можем – сытые. Кто-то из нас посмотрел в окно и увидел, что какой-то эшелон отходит. Мы ухватили со стола хлеб и бегом из столовой. Под один состав, под другой, третий. Наконец увидели – наш движется. Я ухватился за поручень одного вагона, Мишка – другого, Юлька – третьего. Вагоны оказались пустые, на полу лежало сено, и мы очень хорошо выспались.

Приехали на станцию Умёт Тамбовской области. На станции мы встретили Абрашу Кантора, мужа маминой сестры Зины. Он был сапожник, но в армию его не призвали, и он там был со своей семьей. Он нас тут же стал уговаривать: «Поехали к нам, у нас хорошо». А из вагонов всех стали высаживать, сказали, что больше этот эшелон не повезут, а будут размещать в Тамбовской области. Но мы хотели во что бы то ни стало выбраться в Казань. Под руководством Суриновича забрались в какой-то пустой вагон, уже две семьи, и поезд поехал.

* * *

Это произошло на следующий день после нашего ухода из Смоленска. Появились немцы. И тогда несколько ребят опустили в овраг Зеленый ручей. Он начинался недалеко от нашего дома.

С этим оврагом я познакомил Фиму и Сашу, когда мы втроем были в Смоленске. Мы прошли по улице Реввоенсовета, которая шла параллельно этому оврагу, и в конце этой улицы, фактически не улицы, а тупика, как раз был штаб Белорусского особого военного округа, там же была будка, куда я ходил покупать воду зимой, так вот, мы дошли по этой улице до конца, а потом опустили по очень крутому склону прямо в этот овраг, прошли немножко, перешли через мостик этого Зеленого ручья и поднялись к собору, великолепному Смоленскому собору. Саша еще тогда восхищался старинными кирпичами и дорожкой вдоль стены, укрепляющей землю этого храма. Он говорил, что это сама история: этим кирпичам и этой дорожке узенькой сотни лет.

* * *

Первого из нашей семьи я нашел Мишу. Это было случайно. Я узнал, что в Ростове-на-Дону, в здании Финансово-экономического института размещено какое-то севастопольское военно-морское училище. Я написал туда открытку на имя коменданта, и комендант передал эту открытку Мише, который оказался там. Миша имел связь с папой, и папа сразу же узнал, где находимся мы: мама в Коканде в колхозе, а я в Ташкенте в техникуме.

Папа тут же прислал маме деньги. Он копил деньги по крохам, не ел сахара, продавал его. Вскоре я из Ташкента приехал к маме в колхоз, после того как переболел там страшнейшим по-

Борис Абрамович Галицкий. Подпись на обороте фотографии: «На память дорогим папе и маме от сына Бориса Москва 6 дек 46 г.» (из личного архива семьи Саши и Ефима Галицких)

чечным заболеванием: острый нефрит, когда я три месяца провалялся в Ташкентской городской больнице. И получив на год освобождение от учебы, я приехал в Коканд, в колхоз к маме. И в это время подоспели папины деньги. Мы пошли на рынок, купили муки самой дешевой, джугаровой, рис купили, и предстоящая зима нам уже не казалась такой страшно голодной, как были до этого. Джугара – это растение, внешне похожее на кукурузу, она росла там высотой до 3–4 метров, и вместо початков на ней висели такие удлиненные шары, где были вкраплены зерна. Это дешевое растение, узбеки его использовали для корма скота: листья отдавали коровам, толстые стебли – ишакам, зерно тоже ели коровы, но в военное время эти зерна сушили и делали муку, которая была вдвое дешевле пшеничной.

* * *

Папу забрали в армию как шорника, т.е. хомуты лошадям шить.

Несколько дней колонна, в которой был и папа, шла пешком на восток. Потом в каком-то городке их начали сортировать. Папа попал на работу в передвижную автомобильную ремонтную мастерскую, ПАРАМ. У папы было небольшое отделение, где он занимался сапожным делом. Его не поставили шорником, он сказал, что он – сапожник. А начинать пришлось с нуля: не было ни колодок, ни инструмента настоящего. Он находил какие-то деревья, липу, очевидно, делал сам колодки разных размеров – это сложная операция, надо знать тонкости устройства ноги. Папа говорил, что, бывало, вечером приходит офицер и два солдата, притаскивают сразу пар двадцать разбитых и грязных сапог солдатских, и надо, чтобы к утру они были готовы. Вот так он ночь сидит, ремонтирует, утром это забирают. Кроме того, офицеры узнали, что папа умеет шить настоящие хорошие сапоги, приносили ему материал, и папа им шил сапоги. Его даже называли Король сапог.

Были заказы особые: «Сделай мне сапоги со скрипом». Папа делал сапоги со скрипом, т.е. он клал стельку и еще что-то с глянцевыми поверхностями под подошвой друг другу навстречу. Однажды пришел офицер и сказал:

– Скрип очень сильный. Ты мне можешь его немножко уменьшить?

– Пожалуйста.

Он сделал шилом в подошве несколько отверстий, дырочек, забил туда деревянные гвозди, и скрип стал терпимее. И так всю войну вместе с фронтом двигался этот ПАРАМ: когда вперед, когда назад.

Папе повезло – он не попадал ни в окружение, ни в бои, и так дошли все до Германии. В Германии солдаты, а особенно офицеры, быстро рассыпались по домам, брали там, что можно. А папа в это время со своим сапожным ножом шел в эти уже очищенные дома, он там искал диваны, обшитые кожей. Эту кожу он срезал, чтобы был материал для работы.

В каком-то доме он нашел большого размера эсэсовский коричневый мундир, забрал его. Нашел скрипку без смычка, нашел часы с фарфоро-

вым циферблатом, нижнее белье фланелевое. Вот с этой добычей он потом поехал воевать против Японии, туда его тоже увезли. Домой он вернулся, в Коканд к маме, когда меня уже в Коканде не было, я уехал в Москву учиться в Нефтяной институт. А когда я в 1951 году приехал в Коканд, то мне из этого мундира сшили галифе, брюки и курточку... Кто-то уговорил папу, что скрипка без смычка не имеет значения и цены, и за какую-то малую цену папа ее продал. А там внутри было написано «Страдивари», это, конечно, не была настоящая скрипка Страдивари, может быть, это была фабрика имени Страдивари. Циферблат часов за длительное путешествие в солдатском ранце развалился на много-много кусочков. Так в Коканде папа пошел на базар, познакомился с мастерами, которые склеивают узбекские пиалы, чайники, и узнал, на каком растворе они делают этот клей: творог, яйцо. Он склеил циферблат, и часы у него ходили, висели в доме.

* * *

...Миша перевез [родителей в 1952 г.] в Смоленск. Они устроились в двухкомнатной квартире Абраши Кантора, мужа тети Зины Кантор. Абраша и Зина – это родители Левы Кантора, который сейчас в Израиле.

В этом же коридоре жил мой дядя Володя, младший мамин брат, с семьей, тетя Таня и дочка у них красавица была – Маша.

Папа мой снова устроился на работу в ту же самую артель «Труд», в которой он работал до войны, но на этот раз ему было очень тяжело туда ходить, потому что они жили в Заднепровском районе, и приходилось подниматься по очень крутой улице и далеко идти до того двора, где была артель «Труд».

Папе уже было 60 лет, и у него уже начались трудности с ногами. Несколько лет они прожили в Смоленске в теснейшей комнатухе вместе с Абрашей, а характер у Абраши был не из самых легких, да к тому же он еще основательно любил выпить.

Когда я в 1955 году, уже будучи сотрудником Красковского опытного завода, приехал в командировку в Смоленск, я несколько дней пробыл с родителями и убедился, как нелегко им там живется.